

Прощай, Саган! Здравствуй, грусть

Юрий КОВАЛЕНКО, Париж

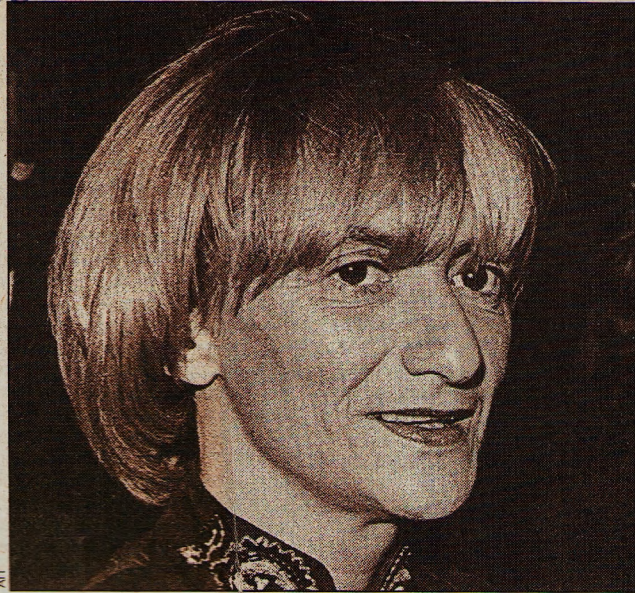
«Появилась на свет с крошечным романом «Здравствуй, грусть», который произвел скандал во всем мире. Ее кончина после жизни, которая, подобно ее романам, была приятной, но прожитой кое-как, оказалась скандалом только для нее самой» — такую полушутливую эпитафию Франсуаза Саган сочинила для самой себя полтора десятилетия назад.

Она умерла 24 сентября

на 70-м году жизни в больнице нормандского курортного городка Онфлер. «Франция потеряла одного из своих самых блестящих и тонких писателей», — откликнулся президент Жак Ширак. Она умерла полвека спустя после выхода «Здравствуй, грусть». Переведенная на 30 языков, ее первая книга была издана тиражом 5 миллионов экземпляров, принесла ей мировую славу и огромные деньги. Да и другие ее романы — «Любите ли вы Брамса?», «Немного

солнца в холодной воде», «Через месяц, через год», «Смутная улыбка» — любила публика, а критика всегда упрекала Саган в том, что она пишет так же, как водит машину, — хорошо, но слишком быстро. Ее читали с интересом, но и с легким чувством разочарования: талантливо, мило, элегантно, но... «Когда же Саган создаст настоящий шедевр?» — задавались вопросом интеллектуалы.

Окончание на стр. 6

Культура

Прощай, Саган! Здравствуй, грусть

Окончание.
Начало на стр. 1

«Его не будет, — предупреждала писательница, сочинившая за свою безалаберно-шаловальную жизнь более 50 произведений. — Мне никогда не написать таких книг, какие вышли из-под пера Пруста, Достоевского или Стендаля. Но у меня больше таланта, чем у девяти десятых сочинителей, хотя мои романы не большая литература». Выше-названных классиков она считала самыми великими, а любимой книгой называла «Идиот». Однако творческую близость она питала к таким авторам, как Сомерсет Моэм, Олдос Хаксли и Ивлин Во.

«Действия в моих книгах начинаются в момент, — говорила самая читаемая в мире современная французская писательница, — когда в жизни героев происходит что-то драматическое, какой-нибудь надлом — возникают проблемы любви, денег или уходит молодость. Персонажи моих романов — маргиналы, которые сами того не знают. По сути своей люди — равнодушные эгоисты, и не надо питать по отношению к ним никаких иллюзий. Но нельзя считать их и безнадежно плохими». Франсуаза ненавидела, когда журналисты рассуждали о ее загадочном литературном феномене: «Я писатель, а не феномен. Не знаю, какое место я занимаю в литературе, но в истории книгоиздания мне принадлежит одно из первых. Ну а на посмертную славу мне наплевать».

Разбогатев, она не знала, что делать с деньгами, и, когда обратилась за советом к отцу, человеку обеспеченному, тот посоветовал: «Расстаться с ними! В твоём возрасте они опасны». Франсуаза приняла решение прожить жизнь в компании золотой молодежи, в которой была и Брижит Бардо. За рулем ее пьянила не только скорость, но она была убеждена в том, что с ней ничего не может случиться. До тех пор, пока в 1957 году лишь чудом она осталась в живых, переломав себе все кости в страшной автомобильной катастрофе. После этого ее издатель Ги Шоллер, который был на 20 лет ее старше, сказал: «Я на тебе женюсь, чтобы ты не делала глупостей». «Мы жили ужасно весело, развлекались, как могли», — вспо-

«В любви, как на войне — горе побежденному».
«Жизненный опыт есть сумма совершенных ошибок с теми, которые совершить не удалось».

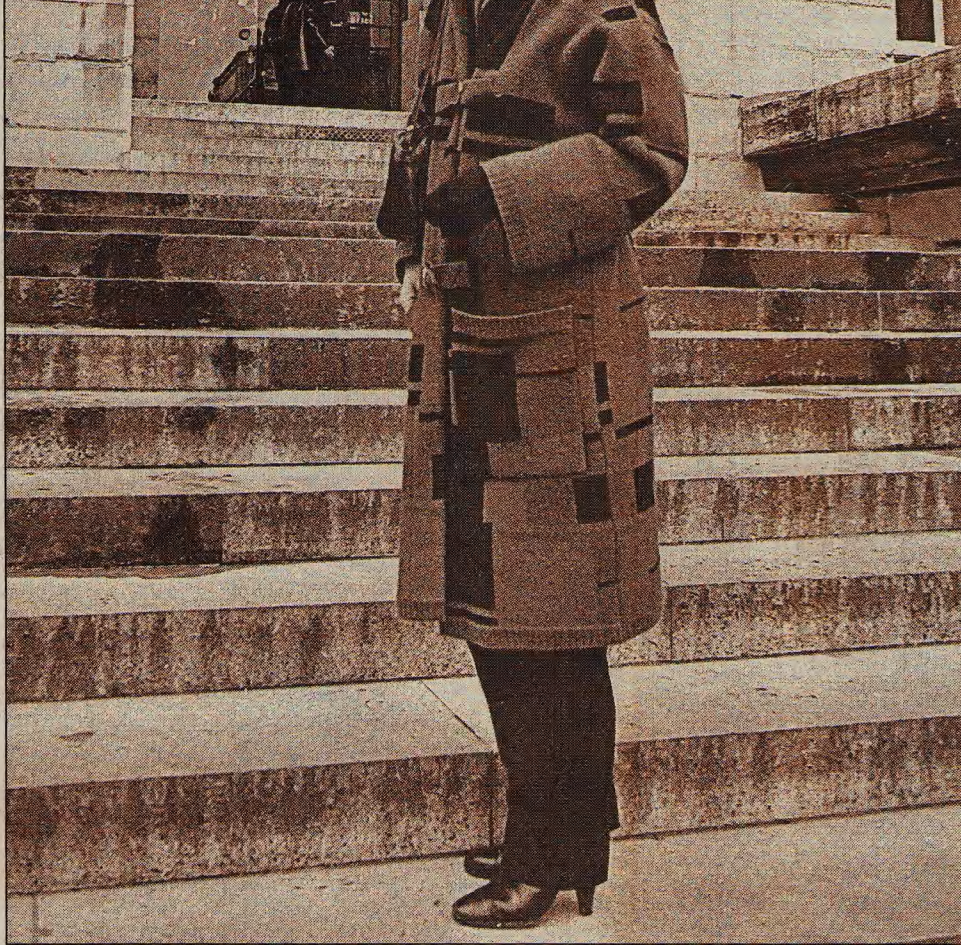
Франсуаза Саган

минает она. Они вскоре растались. В 1962 году Франсуаза снова вышла замуж — за американца Роберта Уэстхоффа, от которого родила единственного ребенка — сына Дени.

Русская бабушка и русская рулетка

Во время нашей встречи Саган рассказывала мне, что одна из ее бабушек была русской. Этим она объясняла свою широкую натуру и совсем не французскую безалаберность, готовность сорить деньгами, склонность и к острым ощущениям, и к быстрой езде, и к сильным напиткам. Словом, жизнь для нее была неким подобием русской рулетки: «Я всегда жила как каскадер и обожала дразнить дьявола». Когда она переставала пить, то жизнь начинала казаться ей серой и будничной. «Мужчина, который на трезвую голову казался самым обыкновенным, после трех виски становился интересным». Алкоголь помогал не только находить общий язык с мужчинами, но и писать. «Сегодня я пользуюсь другими стимулирующими веществами, — признавалась она. — Уверяю вас, ничего особенного! Я не знаю ни одного писателя моего поколения, который бы ничего не принимал!»

«Я старая стрекоза», — с улыбкой говорила Саган. Кроме заложенного за долги особняка в Нормандии, у нее нет никакой собственности. После смерти остались одни лишь долги. Один из дотошных биографов подсчитал ее литературные заработки, которые только в 1954 — 1966 годах составили полмиллиарда франков. Она все спустила. «Да, я люблю деньги, которые для меня хороший слуга и плохой хозяин. Они всегда присутствуют в моих книгах и в моей жизни», — охотно признавала Саган. Она щедро раздавала деньги благотвори-

тельным фондам, своим близким и попавшим в нужду собратям по перу. «У Саган всегда будут проблемы с деньгами, потому что она их презирает», — говорили ее друзья. Когда они кончались, она шла в казино. Директора игорных заведений утверждали, что Франсуаза спустила у них состояние, и в последние годы их двери для нее были закрыты. Саган, напротив, гордилась тем, что однажды сорвала банк в несколько миллионов франков.

Одно время ее близким другом был Жан-Поль Сартр, с которым они появились на свет в один день — 21 июня — только с 30-летней разницей.

Они вместе гуляли по парижским улицам, обедали в ресторанах и однажды даже столкнулись в «доме свиданий», куда каждый пришел со своим спутником. «Мы беседовали с ним о жизни и о любви. Он рассказывал мне о своих любовницах, которые были неважными актрисами, но которым он давал главные роли в своих пьесах». Саган опубликовала «Открытое письмо Жан-Полью Сартру»: «Вы написали самые умные и честные книги вашего поколения... И при этом всегда бросались вперед на защиту слабых, униженных... Вы предоставляли свой талант в распоряжение жертв, тех, кто

не умеет ни писать, ни выражать свои мысли, ни бороться... Вы всегда упорно отказывались от моральных лавровых венков и всех материальных почестей, включая Нобелевскую премию». Она сама отказалась стать членом Французской академии, утверждая, что зеленый цвет мундиров, которые носят «бессмертные», ей не к лицу.

Райская лень и фискальная удавка

Писательница называла себя отчаянной лентяйкой и бывала, по ее словам, по-настоящему счастлива только тогда, когда ничего не делала: «Райская ленивая жизнь — ва-

ляюсь в кровати и, как говорил Бодлер, смотрю на бегущие облака. Читаю детективы, гуляю, хожу в гости... Наступает момент, когда в голове появляются сюжеты, смутные идеи и неясные силуэты. Это действует мне на нервы. Вдруг возникает какой-то внешний фактор — больше нет денег или надо платить налоги. Приходится садиться за стол... Писатель — это бедный, одинокий зверь, запертый в клетке с самим собой. Пишу я, как дышу, следуя своему инстинкту, не думая о том, что надо непременно сказать нечто новое. Конечно, случаются и благословенные моменты, когда чувствуешь себя парией слова, и тогда кажется, что ты уже в настоящем раю!»

Некоторое время назад во Франции началось движение за спасение Саган от фискальной удавки, которое возглавила кинозвезда Изабель Аджани. Ее гонорары шли на уплату налогов, которые она должна выплатить вместе со штрафом по решению суда, приговорившего ее к условному заключению на один год. Знаменитую писательницу признали виновной в том, что она не заплатила налоги с 5,5 миллиона франков. Эту сумму писательница получила несколько лет назад в качестве комиссионных от миллиардера Андре Гельфи. Тот при посредничестве Саган устроил эмиссару узбекского президента Ислама Каримова встречу с Франсуа Миттераном, с которым писательницу связывала дружба. В ту пору концерн «Эльф-Акитен» искал нефть в Узбекистане и ему для ведения разведки нужно было заручиться согласием Елисейского дворца.

«Большая и разоренная, самая великая из ныне живущих, французская писательница брошена своей собственной страной, — бил в набат не так давно модный прозаик Фредерик Бедбегер. — Я обвиняю президента Республики и премьер-министра в неуважении к французской литературе. Франция убивает своего последнего литературного гения слабого пола. Мне стыдно за мою страну. Когда Саган умрет, все явятся на ее могилу, чтобы поклониться ее праху. Невежественные правители! О Саган будут вспоминать, когда вас все давно забудут!»

Юрий КОВАЛЕНКО,
Париж